

пред сим владыкою мира» (65-ой год, 166), и наконец просил его и далее «быть <...> отцом и покровителем» (сравни строфы 6-9, 15-19 и 37-38 соответственно). Сходные «чувствования» логично привели к тому, что автор вспомнил о написанном шесть лет назад стихотворении:

И как в состоянии оно было растрогать еще более мою душу, то отыскав воспел я оное с новыми чувствами благодарности и умиления к моему создателю и тем еще более побужден был пещись колико можно о том, чтоб впредь быть менее против творца моего неблагодарным, а стараться колико можно быть ему угоднейшим (65-ой год, 167).

До этого места (примерно четвертая часть письма) мемуарный текст по смыслу, а местами и почти дословно, совпадает с «Песней...». Например, строфы 31-32 как будто пересказаны в следующем фрагменте из письма 1802 года:

Ах! С какими чувствами и унижением, и вкупе утешительным надеянием предавал я и все оставшиеся дни жизни моей в его совершенную власть и волю – с каким пламенным усердием просил я его быть в оставшиеся сии дни моим отцом и покровителем, подкреплять меня в моих слабостях и усердном желании быть ему угодным и быть при поздном вечере дней моих ко мне столь же милостивым, каковым был он ко мне во дни юности и во все продолжение жизни моей (65-ой год, 166-167).

Но далее автор выходит за рамки содержания стихотворения, и здесь обнаруживаются